



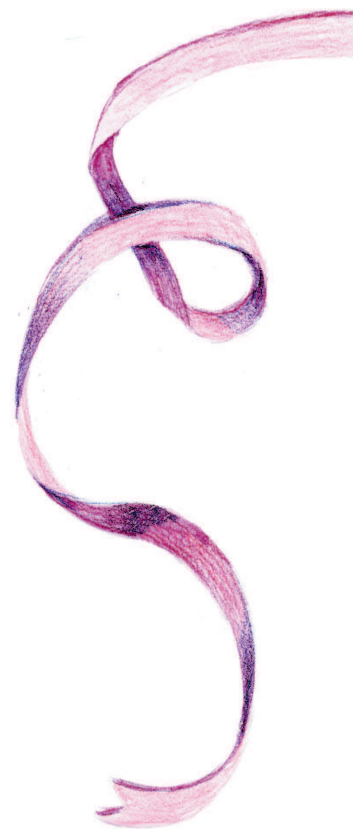




Жили-были балетные тифельки. Там, откуда они родом, днём всегда было шумно, стучали молотки, пахло клеем, а стёкла запотевали так сильно, что трудно было различить за окнами угол соседнего дома и большие деревья, растущие во дворе. Это была мастерская театральной обуви. К вечеру обувщики и обувщицы, утомлённые долгими рабочими часами, поднимались с низеньких стульчиков, потирая спины, вешали на крючки большие кожаные фартуки и неспешно расходились. Мастерская пустела.

Тусклая лампочка, оставленная мастерами, освещала высокие шкафы с открытыми полками, сплошь занятые аккуратно разложенными деревянными формами. По этим формам шились балетные туфли. Рядом с формами стояли ящики с мелкими гвоздями, молотками и множеством диковинных инструментов.

Ровно в десять часов раздались знакомые шаги сторожа. Как всегда, он медленно поднялся по боковой





## Мудрёвка

лестнице, прошёл по коридору, заглянул во все комнаты, выключил дежурный свет, и мастерская погрузилась в темноту.

Когда шаги на лестнице затихли, некоторое время стояла тишина. Но вот на полу появилась голубая дорожка лунного света, в окно заглянула подружка Луна и ласково спросила:

— Как дела, молоточки? Как дела и что у вас новенького?

Что тут началось! Молоточки застучали, гвозди зазвенели, обувные колодки заёрзали, перекатываясь с боку на бок, и все наперебой начали делиться новостью: сегодня главный мастер закончил новую пару балетных туфель! И всё бы ничего — ну, туфли как туфли. Конечно, они красивые: из нежно-розового атласа, с кожаной пахучей стелькой и матовой каймой. Но какими

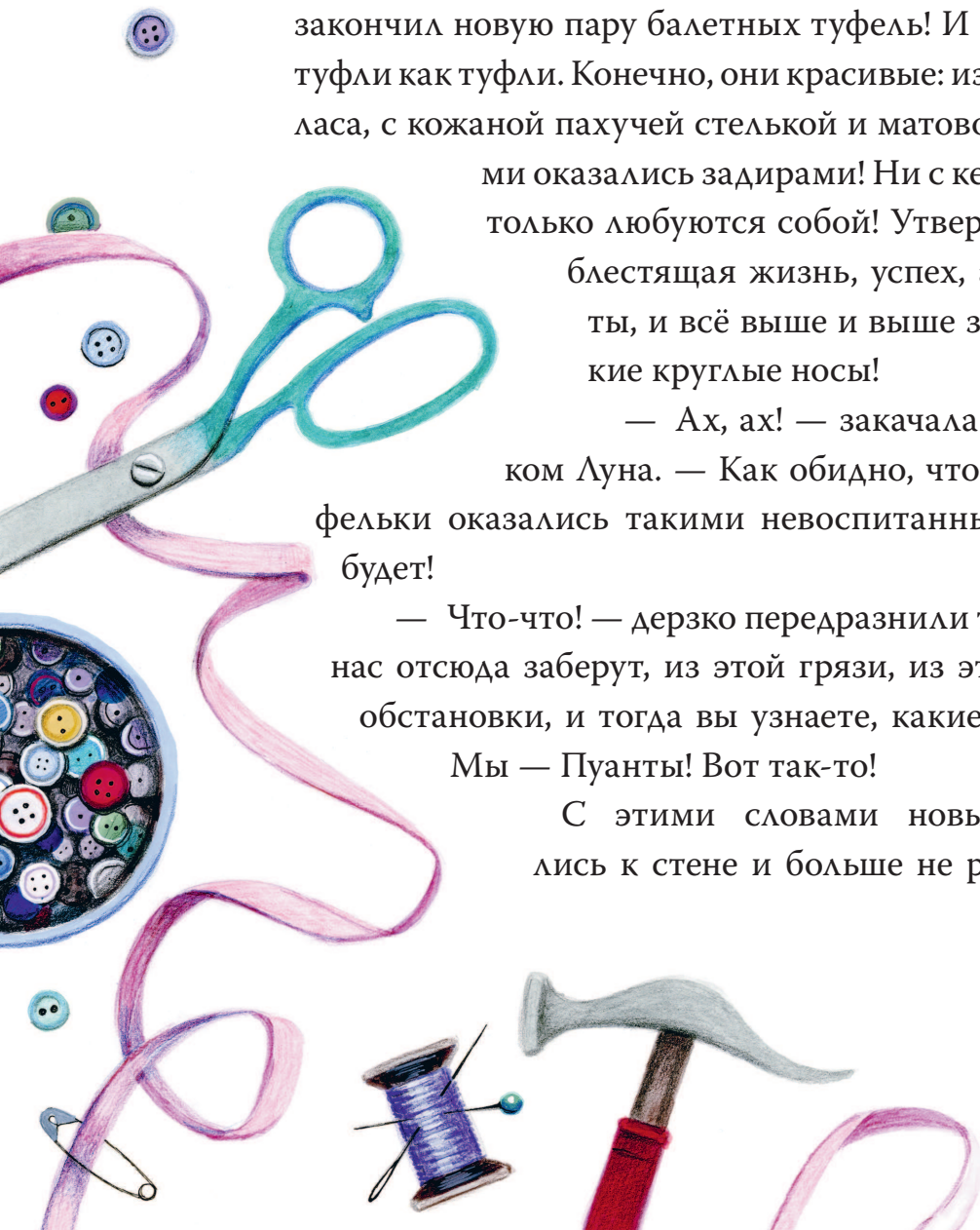
оказались задирами! Ни с кем не хотят дружить, только любят себя! Утверждают, что их ждёт блестящая жизнь, успех, аплодисменты, цветы, и всё выше и выше задирают свои жёсткие круглые носы!

— Ах, ах! — закачала своим круглым ликом Луна. — Как обидно, что такие красивые туфельки оказались такими невоспитанными! Что-то с вами будет!

— Что-что! — дерзко передразнили туфли. — Вот завтра нас отсюда заберут, из этой грязи, из этой ужасной грубой обстановки, и тогда вы узнаете, какие мы важные особы!

Мы — Пуанты! Вот так-то!

С этими словами новые туфли отвернулись к стене и больше не разговаривали. Луна



ещё раз показалась в дальнем окне и скрылась, забрав с собой голубую дорожку света. Мастерская погрузилась в тишину, все постепенно успокоились и уснули.

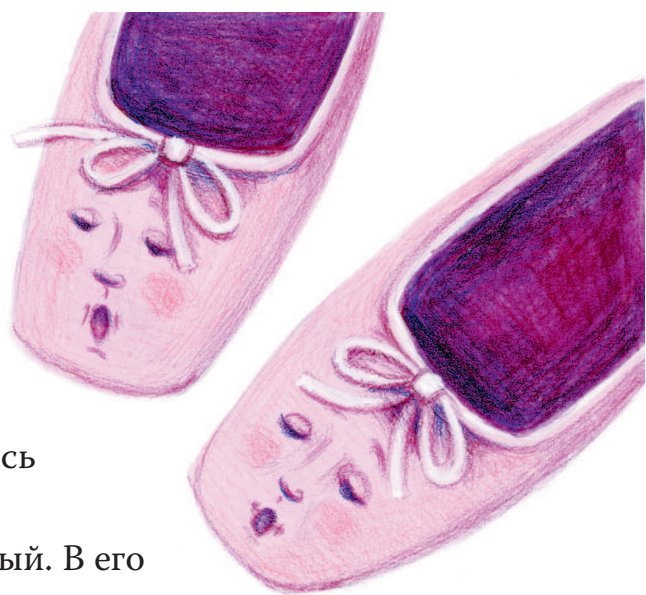
Наутро из магазина приехал посыльный. В его большой кожаный мешок мастера сложили готовую обувь — и пуанты тоже. Посыльный закинул мешок за спину и, перешагивая через ступеньку, заспешил обратно в магазин, где его уже ждали. В кожаном мешке туфли подпрыгивали, но мирились с этим неудобством. Только пуанты, завернутые в папиросную бумагу, охали и недовольно фыркали.

В магазине все обувные новинки выставили на полки, а пуанты сразу положили на прилавок, потому что за ними уже пришла красивая хрупкая девушка. Это была балерина.

«Вот так! — думали пуанты. — Мы такие необыкновенные и такие необходимые, что и минуты нас не заставляют ждать. А вы... — и они покосились в сторону другой танцевальной обуви, — сидите тут. А нам некогда, нас ждёт сцена! С нашей хозяйкой мы увидим мир, а мир узнает нас. Мы будем много путешествовать. Какая у нас впереди необыкновенная жизнь!»

И действительно, необыкновенная жизнь началась. Правда, весь день до самого вечера им пришлось провести в сумке балерины. Там было темно и довольно тесно, но зато это не какой-нибудь там мешок посыльного!

Под вечер руки хозяйки выложили туфли на ровную поверхность гримировального столика и направили на них







## Тифелька

яркий свет. Тут же появились иголка, нитки, ножницы и розовые ленты.

— Ой! — вскричали туфли, когда иголка первый раз вошла в розовый бок одной. — Помогите! Спасите! — продолжали они кричать, но никто их не слышал.

Руки привычно орудовали над туфлями, словно опытный хирург над пациентом. Вскоре к каждой тифельке были пришиты по две атласные ленточки. Это было красиво. Но только туфли успели перевести дух, как началась новая пытка. Руки безжалостно разминали стельку, стучали молотком по розовым бочкам и носикам. Ножки балерины то обувались в них, то снова выскальзывали. Бедные туфли не знали, что и думать! Казалось, мучениям не будет конца.

Но вот они опять оказались в сумке, только уже в другой: лёгкой и до краёв чем-то заполненной. Хозяйка перебрала сумку через плечо, и туфли услышали необычное слово РЕПЕТИЦИЯ.

Следующее, что увидели пуанты, когда их вынули из сумки, был дощатый пол балетного зала, а вокруг много-много пар туфель — таких же, как они! Этого они никак не ожидали. Им-то казалось, что таких — удивительно красивых, розовых, неповторимо элегантных — больше нет. Но вот они лежат на полу среди множества своих собратьев... О, как они страдали в ожидании своей судьбы!

Зазвучала музыка, и началась репетиция. Хозяйка в нерешительности остановилась, разглядывая большую многоликую компанию пуантов. Она брала то одну, то другую пару. На-

конец решение было принято. Наши новенькие туфельки уже обувают ножки, руки привычно завязывают тесёмки: спереди крестом и бантиком сбоку.

— Ура! — кричат туфельки. — Конечно, мы лучше, мы удобнее, мы красивее всех!

Но радость была недолгой. Музыка играла всё быстрее и быстрее. Ножки балерины, обутые в новые туфли, выделяли немыслимые штуки. Они скользили по полу, подпрыгивали, вращались по всему залу без устали, много раз вскакивали на носки и лёгким бисером рассыпались в диковинных движениях.

— Ой! Ай! Ах! — только и успевали выдыхать туфельки. Но хозяйка их не слушала и продолжала скользить, вертеться и подпрыгивать.

Наконец музыка смолкла. Ножки ещё немного потоптались на середине зала, ещё разок-другой поднялись на носочки и успокоились. Розовые атласные















ленты распустились. Все устали. Устали ножки, устали туфельки. Даже те, которые не прыгали, а лишь наблюдали за репетицией, лёжа на полу, тоже устали. Хозяйка снова собрала всю семью балетных туфель в сумку и вышла из зала.

В знакомой тесноте сумки наши пуанты чувствовали себя настоящими героями. Они пытались протиснуться наверх, им не хватало воздуха. К тому же им не хотелось смешиваться с остальными. «Вот, — думали они, — теперь все видят, какие мы незаменимые. И наверное, завтра мы уже будем на сцене!»

Балерина зашла в свою комнату, устало опустилась в кресло, раскрыла сумку с туфлями и стала их перебирать. У одних она проверяла, насколько упруга стелька, другие оглаживала и внимательно осматривала. Когда в её руках оказались знакомые нам пуанты, она положила их на колени и задумалась, откинувшись на спинку кресла.

Наши туфли раздулись от важности и так высоко задрали свои носы, что им стало видно своё отражение в зеркале напротив. Что же они увидели? О ужас! Розовый атлас на бочках посерел и потёрся, да и сами бочки были какими-то помятыми.

Внизу, рядом со стелькой, ткань и вовсе была почти чёрной от грязи, а на левом носочке зияла дырка! Балерина вздрогнула, выйдя из задумчивости,

взяла в руки изношенные за репетицию туфли и... бросила в мусорную корзину. А потом быстро собралась и ушла.

— Что это? Как? Где мы?! — недоумённо озирались по сторонам туфельки. —

